

АНАСТАСИЯ ЧЕРНОВА

ВЕТЕР С ПЫЛЬНЫХ ДОРОГ

РАССКАЗ

Ольга не любила, когда Петр приезжал к ним в гости, потому что приезжал он всегда неожиданно, как-то даже без спросу. Высылал телеграмму — и на следующий день уже стоял под дверью, дергая металлическую ручку и нетерпеливо усмехаясь в глазок. Лицо его казалось плоским и немного выгнутым, словно резиновым.

— Приехал, — шептала Ольга зловеще.

Щелкал замок, открывалась дверь.

Не любила Ольга этого гостя еще и потому, что Петр всегда с собой кого-то привозил: то старый друг в клетчатой рубашке из-за спины выглядывает, то клетка, полная морских свинок из кулака свисает на цепочке.

Эти свинки... Своим свистом они чуть с ума не свели всех! Сидят целый день на диване, в рядок, и — свистят. Их Ольга в коробку картонную складывала, чтоб диван не пачкали, и капустными кочерыжками кормила, все равно, свистят... высвистывают, хоть бы что. “Чтоб они объелись!” — думала Ольга.

По ночам ей самой хотелось свистеть от тоски.

— Больше свиней не привози! — кричала Петру.

А тот только крутил головой, разминая себе подушку, и спал как ни в чем не бывало.

Если бы только спал. Проснувшись, он слушал музыку на полную громкость, трогал пальцами зеркала, оставляя на них сальные отпечатки, громко харкал, когда чистил зубы, задевал плечом тонконогую пальму возле окна, пил воду и оставлял стакан где попало. Да всего и не перечислишь!

ЧЕРНОВА Анастасия Евгеньевна родилась в 1987 году в Москве. Студентка Литературного института им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Рассказы и очерки печатались в журналах “Проза” и “Братина”. Живёт в Москве.

Поэтому в то утро Ольга встала сумрачная, недовольно готовила на завтрак яичницу, а муж Вадим, улыбаясь, провалился в глубокое кресле и перечитывал телеграмму: “Скоро буди. Петя”.

— Неймется! — бурчала Ольга, вынимая из передника кухонную тряпочку и обтирая край плиты. — Надеюсь без свиной?

Она вспомнила, что в позапрошлый раз Петр приезжал с гитарой.

Он учился на ней играть, неторопливо дергая одну и ту же струну, самую толстую, извлекал глухой, могильный звук, под который ей представлялась серая полоска железного забора, кладбище, опавшие листья, а на одном из крестов — потрепанный венок, который страшно шевелился на ветру и перезванивал застывшими белыми венчиками.

— Ты бы спел, Петя, — предлагал Вадим.

— Утро туманное, — пел Петя. — Утро... э... седое.

Дальше он слов не знал, и просто тянул “а-а-а...”

Потом говорил:

— Не современно? Так, тетя Оль? Зато... как-то так... Душевно.

— Делать ему нечего, — понимающе вздыхала Ольга. — Баклуши бьет.

— Петя обещал приехать, кстати, не один, — проговорил Вадим, разговоря тем самым воспоминания жены.

— И с кем же? Твой Петя! Вечно Петя, всё вот Петя, и только он! —

Ольга принялась деревянной лопаткой отдиравать яичницу. — Скородка совсем уже испортилась, а ты всё — Петя! А знаешь почему? Она испортилась? Потому что Петя проскреб эмалевый слой! Ложками мешал! А я говорила ему — только лопаткой, деревянной, а он...

— Он — мой брат. И этим всё сказано. Перестань, — попросил Вадим. — Мы новую скородку купим.

В это время раздался звонок.

Вадим обычно на звонки не вылезал из кресла, потому что кресло было глубокое, он только разворачивал голову и, устроив поудобнее руки на коленях, ждал.

“Приехал”, — шептала Ольга, с силой ударяя язык по верхним зубам на “л”, так что получался звук, похожий на шипение.

— Здравсти! — кричал за дверью Петя.

Ольга приложила к дверному глазку, пытаясь рассмотреть, с кем в этот раз приехал Петр. Но, как ни странно, вокруг было пусто. На плече у Пети висела кожаная сумочка — он всегда с ней ездил.

— Ты что, один? — изумилась Ольга. — Ну, здравствуй, здравствуй.

— Теть Оль, слов нет, как рад, но я...

Он зашел в прихожую, а дверь не закрывал. Ольгино сердце сжалось недобрым предчувствием.

— Петя! — запоздало закричал с кухни Вадим. Потом тяжело вылез из кресла, вышел навстречу и раскрыл объятия.

— Я в общем не один.

Тут он остановил свой взгляд на Ольге.

— С кем? — сурово спросила она.

— Я приехал не один. Она — там. На лестнице.

— Кто? — испуганно спросила Ольга.

— Эта, ну, пустяк, знакомая. Моя.

— Кто она? — Ольга волновалась, но старалась голосу придать равнодушие.

На лестнице нетерпеливо закашляли.

— Жена.

— Вадим! Ты слышал? — Ольга прижалась к стене.

— Мы, правда, еще не поженились, — дополнил Петя, когда в прихожую вошла немолодая женщина, с жесткими желтоватыми волосами и впалыми, будто спрятанными, глазами.

— Эльга.

...Как ни странно, Вадиму почему-то представилось детство, он и Петя, маленькими, сидят в комнате, выходящей на балкон, в той самой, куда сейчас Ольга составила банки с мочеными помидорами, сидят рядом на диване,

и Петя еще такой маленький, что чмокает, вздыхая, а второй, свободной рукой, прокатывает по колену красную машинку, туда-сюда. Они молчат, но где-то во дворе, за окном, скрипят качели, и Вадиму становится грустно оттого, что комната какая-то пустая и тихая, а брат еще такой маленький, соску сосет, на улицу-то с ним стыдно выходить.

Вадиму четыре года. “Мелюзга”, — кривится он на Петю, стараясь отодвинуться подальше. Ему кажется, что нет ничего позорнее, чем быть таким малолетком.

Потом он одним рывком, словно из куклы, вытаскивает соску и перекладывает её к себе в рот. Петя плачет.

Соска мягкая и теплая. Она утыкается в щеку, какое удовольствие.

А качели за окном всё скрипят и скрипят.

Скрипят и скрипят.

Эльга медленно разматывала с себя шарф. Потом она скинула черные туфли и тронула Петра за руку.

“Знаешь, мне кажется, её зовут на самом деле Ольга — он просто над нами издевается”, — собиралась сказать Вадиму Ольга, как только они останутся вдвоем, но боялась забыть про свою догадку, а потому хмурилась и не очень вслушивалась в то, что говорила будущая Петина жена.

— Здравствуйте, да мне тапочек не нужно. Ой, вот коврик. Нет, эти малы. Про вас, да-да, Петя рассказывал, — бормотала Эльга, быстро и монотонно. “Такие женщины обычно не говорят много”, — думала Ольга и оказалась права.

На следующий день Эльга молчала, и только на часы поглядывала да в окно, перечеркнутое дождем.

— Знаешь, — потихоньку сказала Ольга Вадиму, — он над нами издевается. Эту его невесту звать на самом деле не Эльга, а как-нибудь по-другому...

Через день гости уехали.

Ольга снимала со всех кроватей простыни и принялась стирать.

— Скоро наступит зима, — медленно проговорил Вадим. — Вон за окном — иней.

Ольга ничего не ответила: в ванной громко шумела стиральная машина.

Тогда Вадим провалился в кресло и закрыл глаза.

За окном тихо-тихо падал снег, скрипели качели. И терлась об пол махровая мягкая тряпка. Ольга вычищала квартиру, а в воздухе, между стенами, всё еще висел неясный беспокойный запах росистых утренних полей, пыльных дорог, цветущих кувшинками прудов.